

Наталия Осухова

НАДО, ЧТОБ ДУША НЕ ОКАМЕНЕЛА: ПОСЛЕСЛОВИЕ

*...Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.*

Анна Ахматова

Тягостная работа
воспоминаний

Завершая подготовку к публикации, отчетливо осознаю необходимость в послесловии.

После первого прочтения текстов рефлексий малолетних узников нацистских лагерей поражает предельная скудность воспоминаний о детстве. В большинстве из воспоминаний социальное явно преобладает над индивидуальным. И, хотя война закончилась более шестидесяти лет назад, мало кто из жертв осмелился вернуться к «ребенку в себе» и поделиться пережитым там, в жестоком лагерном детстве.

Одни на самом деле не могли ничего запомнить. *Тамара Николаевна Плецкая*, появившаяся на свет в 1943 г. в лагерной больничке, пишет: «Естественно, у меня, младенца, своих воспоминаний быть не может»...

Другие сознательно избегают прикосновений к болезненным воспоминаниям. Так, *Раиса Максимовна Червинская* призналась студентам-интервьюерам: «Помню очень много, но не обо всем хочется вспоминать».

Третьи, хотя и добросовестно пытаются вспомнить конкретные детали, но память подсказывает лишь отдельные значимые тогда образы. В их памяти наиболее четко (как «живые») запечатлелось все, что связано с едой. Вспоминая себя-шестилетнюю, *Александра Федоровна Лебедева* отмечает: «Из “жизни” в лагере наиболее запомнился котел с баландой». *Лидия Сергеевна Барановская* и *Екатерина Васильевна Кожевникова* запомнили лагерное меню: «суп из брюквы, капусты или шпинат, кофе такой, что невозможно пить. Хлеб давали маленькими кусочками (двадцать на пять сантиметров) на четыре дня», «суп из брюквы, хлеб 200 грамм из опилок». В память *Романа Францевича Логваля* навсегда врезалась предельная ситуация, пережитая в

шестилетнем возрасте: «Воды не было. <...> Нашли выход. Посредине был туалет. Содержимое вычерпали, [но] вода прибывала и ее пили». Возникает ощущение, что это были единственные моменты, когда ребенок выходил из некоего оцепенения. Ужасаясь сострадаешь, думаешь о «плате за выживание» и тех механизмах, которые когда-то позволили ребенку выжить в условиях жесточайшей депривации.

Отчуждение от себя
как условие
выживания

В психологической литературе первоначальную реакцию человека на травматическое событие принято обозначать термином «шок». Среди поведенческих проявлений посттравматического шока, как правило, присутствуют такие крайние формы отчуждения, как «капсулизация» (В. С. Мухина), «оцепенение» (Р. Лифтон, Дж. Кристалл) и «окаменение» (Р. Лэнг). Причем к ребенку этот феномен, имеет еще большее отношение, чем ко взрослому.

Слово «оцепенение» происходит от глагола «оцепеневать», «оцепенеть», который, согласно В. И. Далю, означает «*приходить в бесчувственное состояние или в неподвижность, замирать, остывать, леденеть, твердеть внезапно*»¹. Речь, таким образом, идет о происходящем в ситуации хронического, «застывшего стресса» (термин В. С. Мухиной), «отмирании чувств». Как ни странно это прозвучит, но в условиях небытия лагерной жизни именно оцепенение как предельная форма отчуждения от себя и мира становится адекватной формой адаптации маленького человека к чудовищному испытанию небытием.

Сегодня, когда в психологии все более утверждается идея о психологическом самовосстановлении личности после травмы (Дж. Бананно, С. Мадди и др.) неизбежно возникает вопрос о том, почему само освобождение не стало для маленьких узников катализатором восстановления и личностного роста. Их рефлексии дают материал для ответа и на этот вопрос.

Отчужденные
страной

Я имею в виду еще одну особенность рефлексий – «белые пятна» в истории жизни выросших узников лагерей. Эти следы утаиваний и замалчиваний в самые неожиданные моменты повествования «проговариваются» обидой: «О чем наиболее тяжело вспоминать – так это о <...> послевоенном периоде “фильтрации” с его “особым” отношением к бывшим узникам. <...> А какую

¹ Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – Т. 2. – М., 1956. – С. 775.

огромную радость испытывали мы от возвращения на Родину, домой!» (Н. Т. Храмова); «Когда я служил в армии, мне хотелось вступить в партию, но, узнав, что я являюсь бывшим узником концлагеря, мне отказали» (В. Д. Антрохин); «Наступил апрель сорок пятого. <...> Мы стали мечтать о возвращении на Родину, но оказалось, что рано радовались. Впереди была проверка на благонадежность в фильтрационном лагере, где допрашивали, как предателей. Немцы так издевались над нами, а дома нам не верили – обидно до слез!» (Н. А. Переведенцев). Горькие чувства «постыдной тайны», страха и обиды многие из них пронесли через всю жизнь. Не удивительны сдержанные признания стариков: «Мне так одиноко».

Для социальных работников и психологов-практиков такие признания не только открытый призыв о помощи. Даже теперь не поздно оказать поддержку тем, кто пережил состояние глубокого капсулирования, оцепенения и окаменения, которые сохранили в себе следы застывшего стресса.
